

Вопросы Экономики

в номере :

Глобализация и сближение
уровней экономического развития

Реформирование федеративных
отношений и региональная политика

Теории развития:
новое понимание дуализма
(*в помощь преподавателю*)

10
2000

Г. КОЛОДКО,

профессор Варшавской школы экономики
и Рочестерского университета

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СБЛИЖЕНИЕ УРОВНЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ОТ СПАДА К РОСТУ В СТРАНАХ С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Попытка трансформации системы централизованно планируемой экономики, находящейся под контролем государства, в институциональную систему свободной рыночной экономики, предпринятая в странах Восточной Европы и республиках бывшего Советского Союза, не имеет precedентов в истории. Происходящий в них процесс перехода стал неотъемлемым элементом современной глобализации экономических отношений.

Главным аргументом в пользу движения к рыночной системе (оставляя за скобками политические и идеологические соображения) выступало широко распространенное убеждение в том, что на ее основе удастся повысить конкурентоспособность и эффективность бывших социалистических экономик. Ождалось, что после короткого периода трансформационного спада новая система обеспечит восстановление хозяйства и позднее – высокие темпы экономического роста. Однако в силу ряда причин этого не произошло.

Трансформационный спад продолжался намного дольше и оказался глубже, чем предполагалось ранее, а восстановление экономики шло (в ряде случаев – еще идет) не так гладко, как рассчитывали правительства этих стран и заинтересованные международные организации. В действительности спад превратился в Великую трансформационную депрессию, продолжавшуюся в отдельных странах все 90-е годы. Более того, с наибольшей силой депрессия проявилась в двух самых крупных странах с переходной экономикой – России и Украине, чье население (суммарно около 200 млн. человек) составляет половину населения всего переживающего трансформацию региона.

В 1999 г. средневзвешенный индекс ВВП 35 стран Восточной Европы и республик бывшего Советского Союза составил примерно 65% дореформенного уровня, но для второй группы стран он был равен лишь 54%, и даже для первой все еще находился ниже уровня 1989 г. В начале переходного периода никто не ожидал ничего подоб-

ного. Неудивительно, что выдвигались различные объяснения причин произошедшего (это касается как длительного спада, так и быстрого роста там, где он наблюдался). Поэтому мы попытаемся исследовать глубинные источники данных процессов в переходных экономиках, особенно с точки зрения выбора стратегии развития и связанных с ним политических и технических ограничений.

Главная цель статьи – анализ влияния глобализации на восстановление и рост в странах с переходной экономикой, а также возможностей и механизмов сближения уровней их развития с передовыми индустриальными странами. Поэтому мы рассматриваем не только альтернативные траектории развития и долгосрочные сценарии до 2050 г., но и варианты проведения активной политики.

Глобализация и постсоциалистическая трансформация

Последнее десятилетие XX в. характеризуется огромными изменениями в мировой экономике. Новая фаза научно-технической революции и интернационализация потоков капитала трансформировали модели экономического развития. Широкая либерализация торговли, сопровождаемая усиливающейся либерализацией финансовых рынков, открывает новые перспективы и создает новые проблемы, в решении которых призваны принимать участие как правительства и международные организации, так и частный сектор и неправительственные организации.

Во-первых, частный сектор должен не только пользоваться плодами глобализации и перехода, но и намного активнее, чем сегодня, участвовать в преодолении кризиса. Во всем мире роль частного сектора возрастает, в том числе благодаря приватизации и в странах с переходной экономикой. Поэтому он должен взять на себя большую ответственность за последствия кризисов. Частный сектор в развитых промышленных странах, включая различных финансовых посредников, инвестиционные банки, хеджинговые фонды и многонациональные корпорации, все более вовлекаясь в бизнес в глобальных масштабах, должен также делить ответственность и нести бремя издержек, обусловленных негативными последствиями межстранового перелива капитала.

Во-вторых, международные организации, такие, как МВФ, Всемирный банк, ВТО, ЮНКТАД, МОТ и др., должны лучше координировать свою деятельность. Многие проблемы мировой экономики, в том числе и связанные с постсоциалистическим развитием, возникли из-за отсутствия подобной координации. В частности, нерегулируемый поток краткосрочного капитала может как стимулировать экономический рост в развивающихся странах, так и препятствовать ему, что не раз наблюдалось в последнее десятилетие. Риск, возникающий в результате слишком быстрых темпов либерализации торговли, чрезмерно усиливается радикальной финансовой либерализацией, особенно в странах с неразвитыми рыночными институтами, как, например, в постсоциалистических государствах.

В-третьих, намного большую роль, чем сегодня, должны играть международные негосударственные организации, которые надо рассматривать в качестве стратегических партнеров частного сектора, правительств и межправительственных международных организаций. Хорошой моделью здесь могут служить совместные действия по уменьшению долгового бремени бедных стран с высоким уровнем внешней задолженности. В будущем возможны и другие подобные инициативы, в частности, касающиеся инвестиций в человеческий капитал и охрану окружающей среды, с одной стороны, и программ борьбы с бедностью и социальным неравенством, с другой. Страны с переходной экономикой также окажутся во все большей степени вовлеченными в такую деятельность, что будет способствовать ускорению их развития.

В-четвертых, с точки зрения глобализации системный переход к рыночной экономике сам по себе имеет огромное значение. Некоторые из стран с переходной экономикой явно движутся в направлении создания полноценного рыночного хозяйства, в то время как другие, например, Китай, все еще пытаются реформировать сложившиеся экономические системы, сохраняя политическое устройство, и, по-видимому, вскоре присоединятся к первым. Все три аспекта перехода (либерализация торговли и финансовая стабилизация, создание рыночных институтов и реструктуризация промышленных предприятий) связаны с процессами интеграции экономик отдельных стран в глобальную финансовую и экономическую систему.

Либерализацию торговли и финансовую стабилизацию нельзя отделять от процесса открытия прежде относительно закрытых экономик. И дело здесь не только в более быстром росте внешнеторгового оборота стран с переходной экономикой по сравнению с ростом объемов промышленного производства (или меньшим сокращением объемов внешней торговли в случае экономического спада) вследствие их возросшей вовлеченности в международное разделение труда. Главное – обеспечение свободного входа на рынки и выхода с них как местных, так и иностранных предпринимателей. Кроме того, либерализация движения капитала способствовала тому, что нарождающиеся рынки капиталов этих стран смогли быстро стать частью мировой финансовой системы. Иностранные инвесторы проявляют наибольшую активность в финансовом и энергетическом секторах, что, с одной стороны, приводит к улучшению качества предоставляемых ими услуг, но с другой – увеличивает риск возникновения так называемого “зависимого капитализма”¹. Подобный риск порожден огромным разрывом между объемами капиталов, вкладываемых транснациональными корпорациями и иностранными инвесторами в экономику постсоциалистических стран, и собственными вложениями последних на зарубежных рынках, особенно с учетом нехватки капитала в странах с переходной экономикой для удовлетворения своих потребностей. Данную проблему можно решить лишь в долгосрочной перспективе в результате завер-

¹ Comparative Transition Theory: Recession and Recovery in Post-Communist Economies. Conference paper presented at “Transition Strategies, Alternatives, and Outcomes.” Helsinki, UNU/WIDER, May 15–17, 1997.

шения процесса финансовой стабилизации, улучшения макроэкономических показателей и обеспечения высоких темпов роста.

С глобализацией связано и создание рыночных институтов, в частности, принятие новых законов и образование новых организаций, способствующих распределению ресурсов по рыночным правилам. К числу институциональных соглашений, являющихся одновременно элементами глобального институционального порядка, относятся, например, процедуры регулирования торговли в рамках ВТО или стандарты и меры, направленные на охрану природных ресурсов и окружающей среды. Неотъемлемой частью процесса глобализации выступает региональная интеграция (в рамках Европейского союза или СНГ). В эпоху глобализации институциональное устройство отдельных экономик сближается; усиление этого процесса обеспечит развитие интеграции и глобализации.

Рыночные реформы с неизбежностью приводят к необходимости реструктуризации действующих промышленных предприятий. В значительной степени она совпадает по времени с приходом в страну многонациональных корпораций. Таким образом, растущая доля производимого и распределяемого ВВП в странах с переходной экономикой становится частью мирового хозяйства. Важным фактором этого процесса выступает приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Но для обеспечения долговременного экономического роста требуется, чтобы в постсоциалистических странах усилилась склонность к сбережению. Иного способа сформировать внутренние инвестиционные ресурсы не существует.

Приток ПИИ должен лишь дополнять вложения отечественного капитала. С учетом процессов глобализации он продолжится даже после завершения приватизации. Следует ожидать, что со временем эти инвестиции будут направлены на цели микроэкономической реструктуризации и в долгосрочной перспективе приведут к повышению конкурентоспособности экономик-реципиентов. В результате темпы роста стран с переходной экономикой возрастут.

Циклический характер экономического роста в рамках централизованно планируемой экономики

Экономики бывших социалистических стран характеризовались довольно высокими темпами развития. В 50–80-е годы среднегодовые темпы экономического роста в бывшей Чехословакии составили 4,8%, а в Румынии – 8,2% (правда, надежность этих данных вызывает определенные сомнения). В результате в первом случае ВВП удвоился за 16 лет, а во втором – менее чем за 9 лет. Экономическому росту при централизованно планируемой системе присущи свои особенности. В контексте нашего исследования необходимо упомянуть хотя бы пять из них.

1. Несмотря на настойчивые попытки правительств бывших социалистических стран (а нередко и вследствие их вмешательства в экономику и бюрократического распределения ресурсов) сгладить цикличность экономического развития, сделать этого им не удалось.

Хотя объемы производства систематически повышались, колебания среднесрочных показателей по-прежнему сохранялись. За периодами ускоренного роста следовали периоды коррекции, когда темпы роста замедлялись, после чего все повторялось сначала². Эндогенный механизм периодических колебаний и их относительно регулярный характер позволяют говорить о циклической природе этих процессов.

2. Качество экономического роста в бывших социалистических странах было низкое. Даже в относительно успешно функционирующих хозяйствах синдром дефицита полностью преодолеть не удавалось. Это порождало серьезные экономические и политические проблемы. Искажения в ценообразовании создавали дополнительные трудности на пути поддержания высоких и стабильных темпов роста. В 80-е годы в некоторых странах дефицит сопровождался открытой инфляцией; возник так называемый синдром "дефицитофляции". Значит, экономический рост ассоциировался с состоянием долгосрочного неравновесия. В условиях централизованного распределения ресурсов власти ожидали прямо противоположного.

3. Несмотря на высокие темпы роста, уровень жизни населения этих стран оставался низким. Социалистическая модель экономики опиралась на опережающее развитие тяжелой промышленности и наращивание капиталовложений, а сфера потребления постоянно отставала. Вследствие циклической природы экономического развития темпы роста потребления также колебались, при этом с точки зрения населения жизненный уровень повышался слишком медленно, что усиливало социальное недовольство в обществе.

4. В условиях централизованного планирования экономики возникла своеобразная "усталость от роста"³. С завершением начального периода высоких темпов развития в 50–60-е годы в дальнейшем они существенно уменьшились даже несмотря на опережающий рост инвестиций по сравнению с общим объемом производства, что свидетельствует о снижении их эффективности. По мере замедления темпов повышения производительности труда в конце 60-х годов экономический рост сменился в 70–80-е годы стагнацией и спадом. После начала реформ наступила глубокая рецессия, сопровождаемая высокой инфляцией. Таким образом, бывшие социалистические страны, хотя и в разной степени и в различные периоды времени, попали из огня "дефицитофляции", присущей умирающей централизованной системе, в полымя "спадофляции", характеризующей нарождающийся рыночный строй.

5. Сближение уровней развития отдельных стран началось еще при социализме. Особенно интенсивно оно проходило в период, когда их макроэкономические показатели были относительно низкими (как, например, в Болгарии и Румынии) и росли намного более высокими темпами, чем в странах, где объемы производства и, следовательно, уровень жизни населения были заметно выше (в частности, в Венгрии и

² См. подробнее: Колодко Г. От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М.: ЗАО «Журнал «Эксперт», 2000, с. 68–72.

³ Poznanski K. Poland's Protracted Transition: Institutional Change and Economic Growth. Cambridge, Cambridge University Press, 1996.

Таблица 1

**Среднегодовые темпы роста чистого материального продукта
в странах с централизованно планируемой экономикой
(1950–1989 гг., в %)**

Страны	1950–1989 гг.	Первая фаза первого цикла	Последняя фаза последнего цикла
Румыния**	8,2	17,0	5,4
Болгария*	6,9	10,0	5,2
Польша	6,7	9,8	3,9
Советский Союз	6,5	16,0	3,3
ГДР	5,9	18,0	3,3
Венгрия**	5,0	9,3	1,6
Чехословакия	4,8	10,0	2,4

* Среднее за 1953–1989 гг.

** Среднее за 1951–1989 гг.

Источники: Центральное статистическое управление Польши, расчеты автора.

бывшей Чехословакии – см. табл. 1). То же самое применимо и к бывшему Советскому Союзу – в республиках Закавказья и Средней Азии темпы экономического роста были выше, чем в Прибалтике и Белоруссии. Подобная ситуация, хотя и в меньшей степени, наблюдалась и в Югославии – темпы роста в Македонии были выше, чем в Словении.

Трансформационный спад и Великая депрессия 90-х годов

Трансформационный спад в лучшем случае продолжался три года, как в Польше (с середины 1989 г. до середины 1992 г.), в худшем – десять лет, как в Украине (1990–1999 гг.). В Польше ВВП сократился примерно на 20%, прежде чем был отмечен рост. В Украине его падение составило свыше 60%, а рост начался лишь в 2000 г. Только трем странам (Польше в 1996 г., Словении в 1998 г. и Словакии в 1999 г.) удалось выйти на предреформенные уровни этого показателя. ВВП Грузии и Молдовы в 1998 г. равнялся примерно $\frac{1}{3}$ показателей 1989 г., а в еще четырех бывших советских республиках он был существенно меньше половины. В шести странах Восточной Европы объемы ВВП колебались около $\frac{3}{4}$ и менее показателей 1989 г. Глубокий спад производства в странах с переходной экономикой – очевидный факт.

В то же время следует отметить ненадежность статистических данных, характеризующих экономическое развитие этих стран. Особого внимания заслуживает наличие огромного неформального сектора. Дело в том, что неформальная деятельность, способствуя увеличению выпуска продукции и занятости, не обязательно повышает темпы роста ВВП или уменьшает темпы его падения. Другими словами, в странах с переходной экономикой реальные объемы производства, а значит, и ВВП существенно выше, чем официально признано, – на 5–30%. Но это сказывается лишь на базе отсчета темпов роста, а не на самих темпах. Соответственно в настоящее время показатели как об-

щего объема ВВП, так и ВВП на душу населения (и следовательно, личного потребления и инвестиций) в действительности превышают официальные данные, но к темпам роста это отношения не имеет.

Безусловно, в ряде случаев масштабы спада производства были преувеличены из-за неучета продукции, выпуск которой был переведен в неформальный сектор. Позднее благодаря этой особой форме приватизации (поскольку официальный сектор был государственным, а неформальный стал частным) официальные темпы роста превысили реальные. Незарегистрированные ранее объемы производства начали постепенно учитываться официальной статистикой.

Таким образом, феномен неформального сектора оказывает двойственное воздействие на подлинную картину трансформационного спада производства и последующего его восстановления. Истинные масштабы спада могли быть преувеличены, как и темпы роста по его окончании. Ученые уделяли гораздо больше внимания первой проблеме, чем второй. Дело, по-видимому, в том, что в долгосрочной перспективе – на протяжении десяти или двадцати лет – взаимное влияние этих противоречивых тенденций может оказаться нейтральным.

Многие верили, что экономический рост наступит очень быстро. Например, правительство Польши в начале реформ предполагало, что спад продлится один год, а ВВП сократится не более чем на 3,1%. Реально он продолжался три года и оказался в шесть раз более глубоким. По мнению Э. Борнштейна и П. Монтила, среднегодовые темпы роста в 1991–1995 гг. должны были составить в Венгрии и Польше 6,5%, а в бывшей Чехословакии – 3,25%⁴. Л. Саммерс предсказывал, что средний (невзвешенный) темп роста для всей группы восточноевропейских стран повысится с 0,8% в 1992 г. до примерно 4% в конце 90-х годов⁵. В действительности в 1992 г. темпы их роста снизились еще на 3,6% (после падения на 17% в 1990–1991 гг.) и в конце десятилетия составили лишь 2%.

Ошибались не только правительства и отдельные ученые, но и уважаемые международные организации. По данным МВФ, экономический рост в странах Восточной Европы должен был начаться в 1992 г. и составить 2,8%, а в 1993 г. – 4,4%⁶. На самом деле в 1992 г. темпы роста снизились, как уже упоминалось, на 3,6%, а в 1993 г. они составили только 0,4%. Затем маятник качнулся в другую сторону. Учитывая данные о значительно более глубоком экономическом спаде в регионе в 1991 г., чем ожидалось (10,7% по сравнению с 1,5%), в 1992 г. МВФ пересмотрел свой прогноз, предполагая, что вместо роста в 2,8% произойдет спад, равный 9,7%. Для стран бывшего Советского Союза его прогноз на 1992 г. – спад на 18,2%, хотя в действительности ВВП сократился “всего” на 14,2%.

⁴ Borrenstein Ed., Montiel P. Savings, Investment, and Growth in Eastern Europe. In: Georg H. Winckler (ed.). Central and Eastern Europe Roads to Growth. Washington, International Monetary Fund and Austrian National Bank, 1991, p. 153–187.

⁵ Summers L. The Next Decade in Central and Eastern Europe. In: Christopher Clague and Cordon C. Rausser (eds.). The Emergence of Market Economies in Eastern Europe. Cambridge, Ma. and Oxford UK, Blackwell, 1992, p. 25–34.

⁶ IMF. World Economic Outlook. Washington, International Monetary Fund, 1991, May.

Можно назвать ряд причин, почему ранние прогнозы оказались слишком оптимистичными и не оправдались. В начале переходного периода степень неопределенности социально-экономической ситуации в регионе была очень высокой, поэтому и вероятность ошибки была велика. Но подлинные причины ошибок связаны не столько с самими прогнозами, сколько с экономической политикой и ее теоретическим обоснованием. Первые были неверны, поскольку экономическая политика и ее обоснование оказались ошибочными⁷. Что же послужило истинной причиной такого глубокого спада, превратившегося во многих странах в длившуюся в течение десятилетия экономическую депрессию?

Невозможно объяснить Великую трансформационную депрессию 1990–1999 гг. исключительно наследием прошлого или внешними шоками⁸. Конечно, эти факторы играют важную роль, но не они определяют потерю половины ВВП стран региона всего за одно десятилетие. Основная причина – принятие неверных политических решений. Главный недостаток стабилизационных программ – пренебрежительное отношение к созданию рыночных институтов. Успешность функционирования нарождающейся рыночной экономики в большей степени зависит от институционального устройства, чем от экономической либерализации.

Следовательно, дискуссия о том, как надо осуществлять приватизацию и либерализацию – быстро или медленно, исходила из неверных посылок. Проблема заключалась не в определении темпов данных преобразований, а в их продуманности и скоординированности (последняя нередко отсутствовала) с созданием рыночных институтов⁹. Вследствие несогласованности различных элементов переходного процесса еще больше снизилась микроэкономическая эффективность, что, в свою очередь, привело к глубокому и длительному спаду.

Сценарии долгосрочного развития до 2050 г.

До начала трансформационного спада страны с централизованно планируемой экономикой развивались сравнительно высокими темпами, следя модели циклического роста, присущей этой системе. В результате они догоняли более развитые страны. Если принять, что Великая трансформационная депрессия закончилась, экономический рост в странах с переходной экономикой будет происходить

⁷ Stiglitz J. More Instruments and Broader Goals: Moving towards the Post-Washington Consensus. WIDER Annual Lectures, 2. Helsinki, UNU/WIDER, 1998, January. Русский перевод см.: Вопросы экономики, 1998, № 8.

⁸ Mundell R. The Great Contractions in Transition Economies. In: Blejer M. and Skreb M. (eds.). Macroeconomic Stabilization in Transition Economies. London, Cambridge University Press, 1997, p. 73–99.

⁹ В случаях очень крупных экономик, как в России, и малых, как в Албании, несмотря на сравнительно большие масштабы частного сектора (с точки зрения его вклада в ВВП) по сравнению, скажем, с Польшей или Словенией общие экономические результаты оказались намного хуже. На динамику эффективности повлияли не степень либерализации или масштабы частного сектора, но институциональный вакуум в первых странах и относительно устойчивые рыночные структуры и правильная политика во вторых.

уже на основе моделей бизнес-циклов, характерных для рыночной экономики. Далее, неявно предположим, что траектория экономического роста в долгосрочной перспективе будет определяться колебаниями бизнес-циклов. Тогда природа циклического роста постсоциалистических экономик изменится.

Среди множества прогнозов дальнейшего развития стран с переходной экономикой практически отсутствуют те, в которых предсказывается продолжение спада производства. Он ожидается лишь в двух случаях и только в течение одного года. Такие прогнозы исходят из предположения, что экономическое развитие будет протекать последовательно и удастся избежать сильных внешних шоков. Но все же полностью исключить вероятность неблагоприятного хода событий нельзя.

Таблица 2

Страны с переходной экономикой: индекс реального ВВП и прогнозные темпы роста до 2003/4 гг. (в %)

	Индекс 1999 г.	Темпы роста						Индекс 2003/4 гг.*	
		1989 г.=100	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	1999 г.=100	1989 г.=100
Польша	121,6	4,8	5,1	5,5	5,8	4,9	129,0	156,8	
Словакия	101,5	3,8	4,6	6,4	6,0	6,9	130,9	132,9	
Словения	107,6	4,0	3,9	4,2	4,1	4,8	122,8	132,2	
Албания	92,5	7,0	6,7	8,3	6,9	6,5	140,8	130,2	
Венгрия	99,2	5,3	5,2	5,4	5,1	5,5	129,5	128,4	
Чехия	94,7	2,6	3,6	4,8	4,7	4,4	121,8	115,3	
Узбекистан	92,3	3,8	-1,0	2,2	3,8		109,0	100,6	
Хорватия	77,2	2,6	3,5	4,4	4,8	4,7	121,6	93,9	
Румыния	73,0	5,3	5,4	5,3	5,0	4,6	128,4	93,7	
Эстония	75,7	5,5	5,5	5,1	4,5		122,2	92,5	
Македония	72,0	4,8	5,5	5,0	4,5	3,6	125,7	90,5	
Болгария	66,8	4,1	5,0	5,2	4,7	4,4	125,7	84,0	
Литва	65,4	5,3	5,3	5,7	5,2		123,3	80,6	
Беларусь	78,2	-8,1	1,7	3,1	5,7		101,9	79,6	
Латвия	60,1	4,9	4,8	5,5	5,3		122,1	73,4	
Казахстан	60,2	3,3	4,5	5,9	6,1		121,3	73,0	
Киргизия	60,4	4,5	4,1	4,2	4,4		118,3	71,5	
Азербайджан	45,2	7,3	9,1	9,7	9,0		140,0	63,3	
Туркмения	51,2	5,3	5,1	5,0	6,1		123,3	63,1	
Россия	56,1	2,2	2,7	2,0	3,4		110,7	62,1	
Армения	42,5	6,2	6,9	7,1	7,2		130,3	55,4	
Таджикистан	44,1	5,0	5,1	5,0	5,9		122,7	54,1	
Грузия	33,8	8,0	7,8	7,8	7,5		134,9	45,6	
Украина	35,7	0,2	3,3	3,9	4,6		112,5	40,2	
Молдова	30,5	3,7	4,7	5,6	6,1		121,6	37,1	
Босния-Герцеговина	н.д.	6,1	4,6	3,8	3,1	3,7	123,2	н.д.	
Югославия	н.д.	15,4	13,2	10,9	8,1	5,9	165,8	н.д.	

* 2003 г. – для стран бывшего СССР, 2004 г. – для стран Восточной Европы.

Источники: Review and Outlook for the Former Soviet Republics. Washington, PlanEcon, Inc., October 1999; Review and Outlook for the Eastern Europe. Washington, PlanEcon, Inc., December 1999.

В 2003–2004 гг. индекс ВВП по сравнению с 1989 г. увеличится, но не намного. В 2004 г. только в семи или восьми странах из двадцати семи он превысит показатель 1989 г., а еще в восьми не достигнет $\frac{2}{3}$ его уровня. И это после целых 15 лет переходного периода (см. табл. 2).

Иногда из-за нестабильности рыночного обменного курса изменения относительной стоимости национальной валюты могут приводить к падению ВВП, рассчитанного в американских долларах, в то время как в действительности он растет¹⁰. Исходя из этих соображений оправданно оценивать величину душевого ВВП на основе паритета покупательной способности (ППС) (см. табл. 3).

Здесь наблюдается интересный феномен. В отличие от стран-членов ЕС и других развитых рыночных экономик в странах с переходной экономикой существует большой разрыв между оценками ВВП в текущих ценах, то есть на основе рыночного обменного курса, и на базе

Таблица 3

**Страны с переходной экономикой: ВВП на душу населения
в 1999 и 2003/4 гг. на основе ППС (в долл.)**

	1999 г.	2003/4 гг.	Рост, долл.	Рост, %
Словения	14267	17344	3077	21,6
Эстония	9096	16048	6952	76,4
Чехия	9472	11442	1970	20,8
Словакия	8395	10954	2559	30,5
Венгрия	8063	10648	2585	32,1
Хорватия	8284	9528	1244	15,0
Польша	7232	9255	2023	28,0
Латвия	6341	7877	1536	24,2
Беларусь	5722	5737	15	0,3
Россия	4539	5087	548	12,1
Болгария	3758	4796	1038	27,6
Литва	3680	4520	840	22,8
Румыния	2962	3837	875	29,5
Армения	2842	3662	820	28,9
Македония	2897	3423	526	18,2
Туркмения	2891	3376	485	16,8
Казахстан	2482	3028	546	22,0
Югославия	1828	3027	1199	65,6
Узбекистан	2612	2721	109	4,2
Азербайджан	1970	2689	719	36,5
Украина	2348	2641	293	12,5
Грузия	1950	2570	620	31,8
Киргизия	2211	2472	261	11,8
Молдова	1745	2104	359	20,6
Албания	1474	2025	551	37,4
Таджикистан	748	848	100	13,4

* 2003 г. – для стран бывшего СССР, 2004 г. – для стран Восточной Европы.
Источники: см. табл. 2.

¹⁰ Например, в 1999 г. это произошло в Польше, когда ВВП, измеренный в текущих долларах, снизился на 2,1%, а в реальном выражении (измеренный в постоянных внутренних ценах) – увеличился на 4,1%.

ППС. По мере усиления открытости стран с переходной экономикой и их большей интеграции в мировую экономику этот разрыв уменьшается, хотя полностью не исчезает. Поэтому в течение длительного периода времени следует ожидать реального укрепления валют стран с переходной экономикой, что уже и происходит¹¹. Если в отдельные периоды их валюты девальвируются, причем иногда довольно существенно, это не противоречит долговременной тенденции к их реальному укреплению.

Данные, основанные на ППС, лучше отражают действительный уровень экономического развития так же, как и жизни населения, чем показатель душевого ВВП, рассчитанный по текущему обменному курсу. Например, в России душевой ВВП – примерно 1500 долл. по текущему курсу в 2000 г. – равен 13% ВВП Словении. Даже с учетом всех негативных последствий спада Россия не может так сильно отставать. В будущем, по мере достижения финансовой стабилизации этот разрыв уменьшится благодаря реальному укреплению курса рубля, и, скорее всего, темпы роста российской экономики превысят соответствующие показатели более развитых постсоциалистических стран.

Так где же окажутся все постсоциалистические страны через одно или два поколения? С учетом перспектив их долгосрочного роста и сближения с развитыми индустриальными странами можно выделить четыре группы стран с переходной экономикой.

Первую группу назовем “опережающими” – в нее войдут страны, способные поддерживать темпы роста ВВП, по крайней мере вдвое превышающие в долгосрочной перспективе аналогичные показатели стран с развитой рыночной экономикой. В качестве базы для сравнения можно использовать современные темпы роста ВВП в странах ЕС – в среднем 2,5% в 1997–2000 гг., которые, по-видимому, сохранятся и в обозримом будущем. Таким образом, в грядущие десятилетия годовые темпы роста в странах этой группы должны составить 5%, изменяясь в диапазоне от 4 до 6%.

Во вторую группу – “середняки” – войдут страны, темпы роста ВВП в которых будут приблизительно такими же, как и в странах ЕС, так что соответствующие показатели составят в среднем 3%, изменяясь в диапазоне от 2 до 4%. Как следствие эти страны практически не смогут приблизиться по уровню своего развития к странам ЕС и относительный разрыв между ними если и начнет уменьшаться, то очень медленно. С учетом же стартовых условий абсолютный разрыв возрастет еще больше. Увеличится и разрыв в уровнях развития между “середняками” и “опережающими” странами.

Государства, входящие в третью группу, назовем “отстающими”, поскольку темпы роста в них будут ниже, чем в странах ЕС. В долгосрочной перспективе темпы роста ВВП не превысят 2%, а могут оказаться и ниже. Таким образом, в будущем отношение их ВВП к соот-

¹¹ Проблема удорожания или удешевления национальных валют исчезнет после присоединения некоторых стран к ЕС и их отказа от собственных денежных единиц. Легче всего эта операция пройдет для стран, проводящих политику Валютного совета, как, например, Эстония, которая просто заменит немецкую марку, используемую в качестве номинального якоря, на евро. В долгосрочной перспективе все новые члены ЕС из Восточной Европы присоединятся к еврозоне.

всегдающим показателям других групп стран с переходной экономикой может стать еще меньше, чем на рубеже веков.

Есть еще одна – четвертая – группа (мы все-таки надеемся, что она будет) – это “явные лидеры”. Темпы роста в них примерно втройне превысят показатели стран-членов ЕС и будут колебаться в пределах 6–9%. В результате “явным лидерам” удастся приблизиться к стандартам ЕС и в то же время они оторвутся от остальных постсоциалистических стран.

Конечно, совсем не обязательно, что в стране, развивающейся более высокими темпами, будут обеспечены больший объем ВВП и более высокий уровень жизни, чем в стране, темпы роста экономики которой ниже, хотя в конечном счете эти цели и будут достигнуты. Однако в течение нескольких лет может наблюдаться обратная ситуация, что обуславливается логикой механизма сближения. Согласно ей, в странах с низким уровнем развития в 2000 г., как, например, в Азербайджане или Албании, могут быть достигнуты более высокие темпы роста, чем, скажем, в Эстонии или Словении, но все равно в течение нескольких лет относительный уровень их доходов будет ниже.

В 1999 г. душевой ВВП, рассчитанный на основе ППС, составил в Азербайджане 1970 долл., а в Эстонии – 9026 долл. – в 4,5 раза больше. Исходя из этого предполагалось, что хотя среднегодовые темпы роста ВВП в Азербайджане в 2000–2003 гг. составят 7%, а в Эстонии – лишь 4,1%, абсолютный объем производства в последней будет намного больше. То же самое справедливо и для Албании и Словении (прогнозируемые темпы роста душевого ВВП на основе ППС в них – соответственно 7,1 и 4,2%). Неудивительно, что Албания и Азербайджан попадают в группу “явных лидеров”, а более развитые Эстония и Словения – в группу “опережающих”, и то оказываются в ее конце (см. табл. 4).

Таблица 4

**Страны с переходной экономикой:
среднегодовые темпы роста ВВП в 2000–2003/4 гг. (в %)***

“Явные лидеры”		“Опережающие”	
Югославия	10,7	Словакия	5,5
Албания	7,1	Армения	5,5
Азербайджан	7,0	Венгрия	5,3
Грузия	6,2	Польша	5,2
“Середняки”		Румыния	5,1
Чехия	4,0	Македония	4,7
Молдова	4,0	Болгария	4,7
Хорватия	4,0	Литва	4,3
Казахстан	4,0	Туркмения	4,3
Киргизия	3,4	Босния-Герцеговина	4,3
Украина	2,4	Словения	4,2
Россия	2,1	Таджикистан	4,2
“Отстающие”		Эстония	4,1
Узбекистан	1,8	Латвия	4,1
Беларусь	0,5		

* 2003 г. – для республик бывшего СССР, 2004 г. – для стран Восточной Европы.
Источник: расчеты автора на базе прогноза PlanEcon.

Представленные в таблице результаты прогнозных расчетов отражают пассивные сценарии развития, основанные на экстраполяции текущих тенденций и определенных допущениях относительно политики реформ в будущем. Последние прогнозы нередко менее оптимистичны, чем сделанные всего лишь пару лет назад. На настроениях прогнозистов, безусловно, сказались негативные внешние шоки, сильно повлиявшие на мышление специалистов и их ожидания. По этой причине современные прогнозы в отличие от начала 90-х годов могут оказаться излишне пессимистичными.

В то же время нельзя не признать, что российский “кризис внутри кризиса”, достигший своего апогея в августе 1998 г., повлиял не только на республики бывшего СССР, но и на отдельные европейские страны, включая быстро развивающуюся Словакию, ввиду их тесных торговых связей с Россией. В других странах, например, в Польше и Словении, замедление темпов роста было обусловлено в основном неэффективной политикой и задержкой с проведением структурных реформ. Активная финансовая политика может способствовать повышению годовых темпов роста в этих странах до уже достигнутых ранее 7%. Если их удастся удержать на таком уровне в течение многих лет, они останутся в числе “явных лидеров”, что вполне вероятно. Следовательно, некоторые сценарии вскоре могут измениться в лучшую сторону.

Основываясь на предшествующем анализе, можно выделить четыре траектории долгосрочного роста: для “отстающих”, “середняков”, “опережающих” и “явных лидеров”. Вопрос заключается в том, к какой группе отнести конкретную страну, если в ней будут поддерживаться определенные темпы роста в течение того или иного периода времени в пределах следующих 50 лет (см. рис. 1).

В рамках названных четырех сценариев можно выделить три субсценария: базовый сценарий A; минимальный сценарий B; максимальный сценарий C. Крайние субсценарии исходят из расчетов темпов роста за 50 лет, характеризующихся наименьшими или наибольшими значениями, между ними находятся показатели, относящиеся к базовому сценарию A (см. табл. 5).

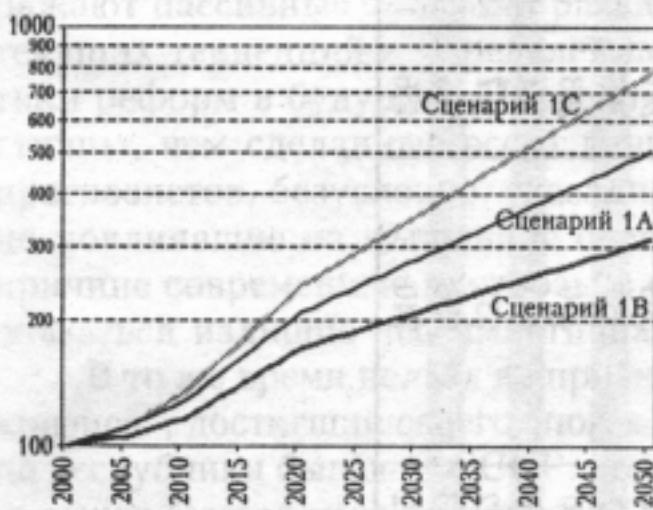
Согласно первому сценарию, среднесрочный период медленного роста продлится пять лет, что обусловлено нестабильностью фундаментальных макроэкономических показателей, слабостью рыночных институтов, проведением неадекватной политики и внешними шоками. В последующие пять лет темпы роста ускоряются благодаря укреплению рыночных институтов и политическим реформам, а также более благоприятной внешней среде (например, окончанию региональных конфликтов). Позднее, в течение целого десятилетия ускорение темпов роста происходит под воздействием прогресса в области создания рыночных институтов и повышения эффективности проводимой политики на основе обучения на практике (*learning by doing*), приобретения опыта и знаний. В результате эти страны переходят в группу “опережающих”, то есть их темпы роста повышаются до 4–6% в год. Затем на протяжении трех десятилетий рост замедляется, но только до уровня “середняков”, то есть до 3%. Таким образом, на протяжении жизни всего одного поколения благодаря реформам их ВВП почти удваива-

**Сценарии экономического развития стран
с переходной экономикой в 2000–2050 гг. (в %)**

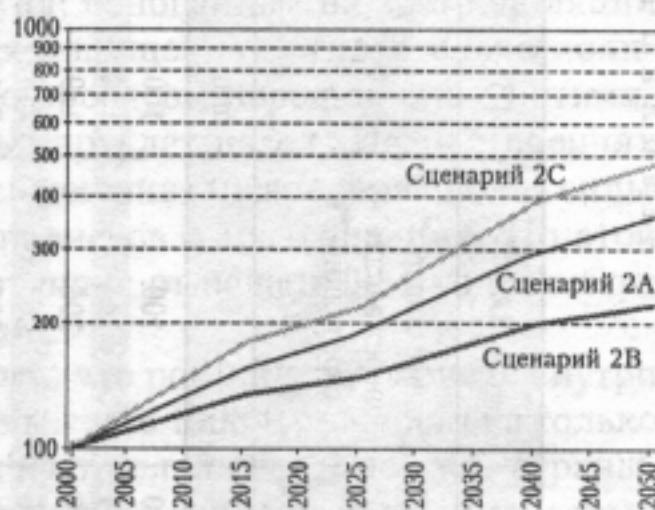
Сценарии	1A	1B	1C	2A	2B	2C	3A	3B	3C	4A	4B	4C
Годы	“отстающие”-5* “середняки”-5 “опережающие”-10 “середняки”-30			“середняки”-15 “отстающие”-10 “середняки”-15 “отстающие”-10			“опережающие”-10 “явные лидеры”-10 “опережающие”-5 “середняки”-25			“явные лидеры”-10 “опережающие”-5 “середняки”-35		
		min	max		min	max		min	max		min	max
2000	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
2005	110	105	110	116	110	122	128	122	134	144	134	154
2010	128	116	134	134	122	148	163	148	179	206	179	237
2015	163	141	180	156	135	180	234	198	276	263	218	317
2020	208	172	241	172	141	199	336	265	424	305	241	385
2025	242	190	293	192	149	220	428	323	567	354	266	469
2030	280	209	356	222	164	267	497	356	690	410	293	571
2035	325	231	433	258	181	325	576	393	840	475	324	694
2040	377	255	527	296	200	395	668	434	1022	551	357	845
2045	437	282	641	327	210	437	774	479	1243	638	395	1028
2050	506	311	780	361	221	482	897	529	1512	740	436	1250

* Здесь и далее – продолжительность пребывания в данной группе (лет).

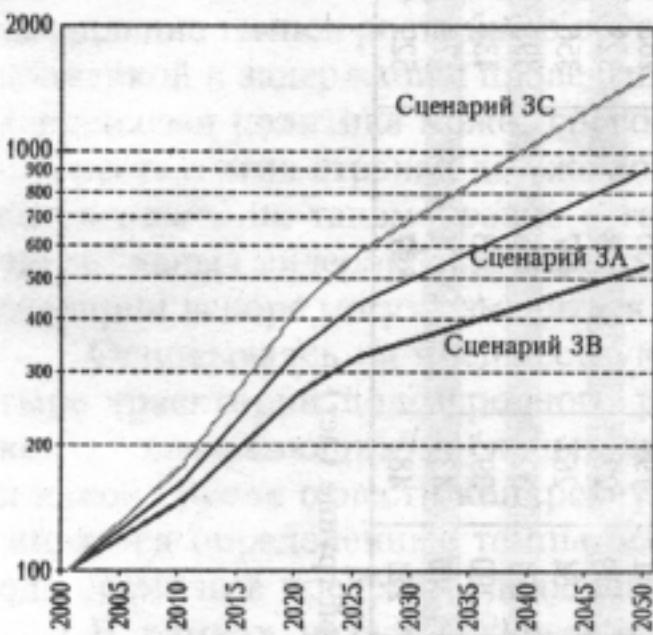
Альтернативные траектории развития, 2000–2050 гг.

1.1

1.2

1.3

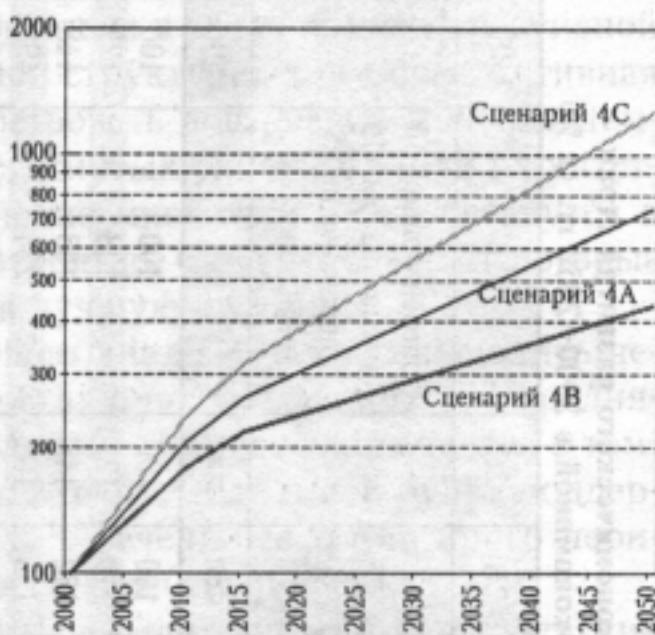

Рис. 1

ется, а к 2050 г. он может возрасти примерно в пять раз. Согласно субсценариям 1В и 1С, общий рост может быть намного меньше или намного больше, чем по базовому сценарию 1А (см. рис. 1.1).

В соответствии с первым сценарием будут развиваться такие страны, как Таджикистан или Румыния. Реальная жизнь может внести серьезные корректировки в данный прогноз. Тем не менее позднее темпы роста в них могут ускориться, если на основе проведения продуманной политики этим странам удастся решить структурные и институциональные проблемы, сдерживающие реализацию потенциала их развития.

Второй сценарий предназначен для стран, которые в ограниченных масштабах используют возможности, открывающиеся в связи с переходом к рыночным отношениям. Поэтому темпы роста в них будут даже ниже, чем при централизованно планируемой системе. Более того, медленный рост станет сопровождаться усилением социального неравенства. В первые 15 лет темпы роста в этих странах составят примерно 3% в год, после чего снизятся до 2%. Затем такая последовательность может повториться – 15 лет в группе “середняков” и 10 лет в группе “отстающих”. Подобное развитие событий вероятно для стран, которые разрушили старые институты, но еще не создали новые. Такая “гиб-

ричная" система затрудняет экономический рост и превращает возможность сближения уровней экономического развития в иллюзию. Даже при наличии хороших геополитических условий и достаточно качественного человеческого капитала неустойчивость фундаментальных показателей и нестабильность политической ситуации способны отпугнуть инвесторов как внутренних, так и внешних. Таким образом, в 2025 и 2050 гг. показатели этой группы стран могут оказаться так же далеки от среднемировых значений душевых доходов, как и в 2000 г., ввиду того, что их ВВП возрастет лишь на 260% (см. рис. 1.2).

Третий сценарий отражает ситуацию, при которой в течение первых десяти лет среднегодовые темпы роста составят 5%, колеблясь в пределах 4–6%. Это вероятно для стран из группы "опережающих" с сильными институтами и улучшающимися фундаментальными показателями, проводящих разумную политику и структурные реформы. В последующее десятилетие темпы роста даже превысят 7,5%, но затем снизятся до 5%. На протяжении жизни одного поколения темпы роста постепенно будут уменьшаться до уровня "середняков" и сохранятся таковыми еще 25 лет.

Согласно данному сценарию, процесс сближения уровней экономического развития должен успешно завершиться, поскольку в конце периода величина доходов сравняется с соответствующими показателями индустриальных стран¹². Этого, скорее всего, удастся добиться наиболее динамично развивающимся государствам из числа тех, которые вскоре присоединятся к Европейскому союзу (см. рис. 1.3). Правда, для них будет характерен минимальный субсценарий ЗВ, поскольку максимальный – ЗА – равносителен чуду. Конечно, чудеса случаются, но ни в Средней Азии, ни в Восточной Европе они пока не происходили.

Очень оптимистичен и четвертый сценарий (см. рис. 1.4). В истории редко отмечались случаи семикратного увеличения реального дохода за полвека. Тем не менее при определенных обстоятельствах подобное быстрое развитие представляется возможным для лидеров из числа стран с переходной экономикой, с одной стороны, и некоторых из отсталых постсоциалистических государств, с другой. Остальные страны, характеризующиеся устойчивыми фундаментальными показателями и наличием зрелых институтов, например, члены ОЭСР, также могут присоединиться к первой группе. Назовем в их числе Венгрию, Польшу и Эстонию. Этому будут способствовать их геополитическое положение и качество человеческого капитала, но решающими факторами выступят выбранные стратегии, особенно направленные на развитие предпринимательства. Открытость товарных рынков, гибкость рынков рабочей силы, сформированность рынков капитала облегчают организацию новых компаний. Подобные "венчурная приватизация" и массовое предпринимательство критически важны для поддержания высоких темпов роста¹³. В первом десятилетии XXI в.

¹² Конечно, только доходов, то есть потоков. Что касается уровня жизни – функции и потоков, и запасов фондов, накопленных в прошлом, эта группа стран все еще будет серьезно отставать от наиболее развитых государств.

¹³ Lavigne M. The Economics of Transition: From Socialist Economy to Market Economy. Chatham, Kent, Macmillan, 1999.

такие страны будут развиваться как "явные лидеры", их среднегодовые темпы роста составят примерно 7,5%. Тогда их ВВП за десять лет удвоится, что в два раза быстрее, чем по первому сценарию. Позднее, по мере сближения уровней экономического развития темпы их роста снизятся до 5% в год, а затем упадут до показателей стран ЕС.

Но данный сценарий может также соответствовать параметрам экономик другого типа, начальная доходная база которых очень мала. Несмотря на слабость институтов и нестабильность фундаментальных показателей, незавершенность структурных реформ и проведение не самой эффективной политики, эти страны тоже могут двигаться по описанной траектории благодаря действию двух факторов. Во-первых, результаты трансформации, то есть либерализации и приватизации, способствуют быстрому экономическому росту стран, находящихся на низком начальном уровне развития. Во-вторых, природные богатства привлекут потоки ПИИ. К такой категории стран можно отнести, например, Азербайджан и в меньшей степени Таджикистан. При прочих благоприятных условиях, особенно окончании локальных конфликтов, эти страны действительно могут развиваться высокими темпами.

Позднее, после того как в данных двух группах стран существенно повысится уровень развития в течение примерно 15 лет, темпы роста их экономик изменятся. В передовых странах они снизятся до уровня "середняков" и сохранятся на протяжении следующих 35 лет в пределах 2–4% в год, ближе к нижней границе диапазона. Менее развитые страны будут характеризоваться темпами роста, приближающимися к верхней границе диапазона, то есть к 4%, или даже более высокими. Согласно этому сценарию, их сближение с развитыми странами произойдет в начале и середине рассматриваемого периода, а в его конце темпы роста будут примерно равны соответствующим показателям более развитых стран.

Но может случиться и так, что процесс сближения окончится неудачей, если не будут проведены структурные реформы и созданы рыночные институты, политический климат ухудшится, а процесс глобализации станет не столько способствовать, сколько препятствовать экономической трансформации. Реальное будущее постсоциалистических стран окажется намного сложнее, чем описанное в наших гипотетических сценариях.

Крайне маловероятно, что все рассматриваемые страны в долгосрочной перспективе сохранят неизменными траектории своего развития. Скорее всего, они будут изменяться под влиянием внутренних и внешних факторов. Многое будет зависеть от укрепления демократических устоев в обществе, довольно хрупких в постсоциалистических странах с неустоявшимися демократическими традициями.

Будущее постсоциалистических стран определяется выбором и приверженностью благоприятной траектории экономического роста и способностью ее придерживаться в течение максимально длительного времени. Возможны различные сценарии дальнейшего развития. В крайних случаях некоторые постсоциалистические страны могут все 50 лет развиваться как "явные лидеры" или как "отстающие", но такие сценарии представляются малореальными. Скорее всего, стра-

ны с переходной экономикой будут принадлежать к группам "опережающих" и "середняков". Другими словами, им удастся обеспечить темпы роста в пределах 2–6% в год. Но в рамках этого диапазона темпы роста будут колебаться главным образом между 3 и 5%.

Активная политика, направленная на сближение уровней экономического развития в XXI в.

При анализе будущего развития необходимо проводить различие между пассивными сценариями и активной стратегией. По какой траектории страны станут двигаться вперед, зависит от многих переменных. Некоторые из них являются данными (наличие природных ресурсов, качество человеческого капитала, численность населения, масштабы рынков товаров и услуг и др.) и мы можем только более или менее точно их учитывать. Однако процесс экономического роста в критической степени определяется избранной стратегией развития и наличием политической воли для ее последовательной реализации. В отсутствие эффективной стратегии даже сравнительные преимущества стран не будут содействовать экономическому росту.

Сочетание двух факторов – благоприятного географического положения страны в Восточной Европе и прогресса в области создания рыночных институтов – уже способствует ускорению развития стран-кандидатов на вступление в ЕС. Их темпы роста будут более высокими, чем других стран региона. В следующие 10–20 лет эта группа стран будет в числе "опережающих". И даже если в какой-то период они не смогут поддерживать темпы роста на уровне 5% в год, то довольно быстро им удастся их восстановить.

Возможности перейти в высшую лигу представляются странам из двух групп. Первая будет включать подлинных лидеров переходного периода, которым удастся сочетать эффективные стратегии развития и глубокие структурные реформы. Это два различных, но в то же время тесно связанных вопроса. Здоровые институты, возникающие в результате проведения структурных реформ и совершенствования рыночной структуры, не заменяют эффективную политику или продуманную стратегию развития, а дополняют их. В переходных экономиках еще отсутствует прямая зависимость между структурными реформами и темпами развития. Здесь должна сыграть свою роль активная политика правительства.

До настоящего времени было отмечено всего три случая высоких темпов роста в странах, которые можно отнести к категории "явных лидеров" (правда, эта ситуация сохранялась недолго). В 1995–1997 гг. (три года) в Эстонии и в 1994–1997 гг. (четыре года) в Польше темпы развития составили в среднем 6,3% в год. Позднее Словакия сумела достичь 6,2%. Три названные страны, как и другие кандидаты на вступление в ЕС, имеют шанс повторить подобные достижения и в будущем. Для этого требуются хорошая координация управления фискальной и денежно-кредитной сферами, продуманная промышленная и торговая политика и подчинение структурных реформ ме-

рам, направленным на обеспечение экономического роста. Необходимы также институты, предназначенные для разрешения конфликтов в сфере распределения, которые могут возникнуть в ходе адаптации к внешним шокам или другим непредвиденным событиям¹⁴.

Но дело заключается в том, что правительства стран Восточной Европы и республик бывшего СССР склонны пренебрегать последним аспектом долгосрочного роста. Советники часто убеждают правительственные чиновников (и они с готовностью с этим соглашаются), что углубление реформ, особенно завершение либерализации и приватизации, позволит решить все проблемы. Позднее, когда такие реформы затормозятся, задержка с проведением структурных реформ станет объясняться "неожиданным" ухудшением функционирования экономики. И если из-за политических и социальных ограничений невозможно ускорить проведение реформ, неудачи политики экономического роста спишут на внешние шоки. С данной точки зрения российский финансово-экономический кризис августа 1998 г. сыграл роль своего рода "козла отпущения", на который правительства многих стран с переходной экономикой и их иностранные советники свалили собственные ошибки.

Вторая группа стран, которые могут время от времени переходить в "явные лидеры", включает менее развитые постсоциалистические страны, действительно догоняющие своих более передовых соседей. Если они воспользуются иностранной помощью, а ее масштабы в ряде случаев (например, Албании и Боснии-Герцеговины) весьма значительны, их экономики могут развиваться быстро. В 1996–1998 гг. среднегодовые темпы роста в Боснии-Герцеговине превысили 40%. В 1993–1996 гг. среднегодовые темпы роста в Албании составили 9,2%, а в Грузии ВВП в 1996–1997 гг. увеличился на 10%. В Азербайджане в 1997–1998 гг. среднегодовые темпы роста равнялись 7,9%.

Однако такие успехи оказались неустойчивыми в силу плохих фундаментальных показателей, не сформировавшихся рыночных институтов, неэффективной политики и внешних шоков. Возможно, вскоре ситуация изменится к лучшему. Для трех последних стран небезосновательно предсказываются очень высокие темпы роста в начале нового десятилетия. Эти страны, а также Югославия, восстанавливающая свое хозяйство после войны 1999 г., могут превратиться на некоторое время в "явных лидеров". Но даже если это и случится вновь, нет никаких гарантий поддержания высоких темпов роста в течение длительного времени. Для их обеспечения потребуется, как уже упоминалось, проведение активной политики в сочетании со структурными реформами и реализацией продуманной стратегии развития.

Очевидно, в долгосрочной перспективе небольшие различия в темпах роста будут весьма значительными. Разница в один процентный пункт между 3 и 4% годовых темпов роста оборачивается разрывом в 272 процентных пункта через 50 лет, что вполне достаточно для преодоления заметного отставания от той или иной страны. Если, например, в Венгрии процесс сближения начнется с уровня душевого

¹⁴ Rodrik D. The New Global Economy and Developing Countries: Making Openness Work. Washington, Overseas Development Council, 1999.

ВВП в 5500 долл. (на базе рыночного обменного курса) и на протяжении 50 лет будут поддерживаться темпы роста 4% в год, в конце периода ее душевой ВВП составит 39000 долл. – больше, чем сегодня в США. Если же темпы роста будут равны 3% в год, то в 2050 г. душевой ВВП Венгрии окажется равным только 24000 долл.¹⁵ Этого явно недостаточно, чтобы догнать скользящую среднюю по странам ЕС, потому что к тому времени она превысит 50000 долл., даже если в течение 50 лет ее темпы роста составят всего 2% в год. Так что разница в один процентный пункт может иметь большое значение. При этом чем более высокие темпы возможного роста принимаются в расчетах, тем больше становится разрыв.

Каким будет показатель душевого ВВП в той или иной стране в будущем, зависит от его величины в 2000 г. и темпов роста в последующие десятилетия. Предположим, что душевой ВВП в наиболее развитых промышленных странах, рассчитанный на основе ППС, равен приблизительно 30000 долл.; во сколько раз тогда должны возрасти текущие показатели ВВП в странах с переходной экономикой, чтобы сравняться с ним? В случае Словении – наиболее развитой постсоциалистической страны с душевым ВВП, равным примерно 14800 долл., – в 2 раза, в случае Таджикистана – самой слаборазвитой постсоциалистической страны с душевым ВВП, равным приблизительно 770 долл., – в 39 раз. Только для восьми стран это соотношение не превышает 5:1, для 12 стран оно не меньше, чем 10:1 (см. рис. 2).

В действительности многие постсоциалистические страны не так сильно отстают от стран-членов ОЕСР, достигших наивысших показателей душевого ВВП, как вытекает из данных статистики. ВВП отражает текущее производство товаров и услуг и не отражает другие важные показатели уровня жизни населения. В странах с переходной экономикой (благодаря наследию централизованно планируемой системы) продолжительность жизни населения примерно такая же, как и в странах ОЭСР. Высок в них и уровень его образования, что важно с точки зрения будущего роста, поскольку свидетельствует о качестве человеческого капитала.

Если количественный рост можно представить в виде линейного процесса, то этого нельзя сказать о социально-экономическом развитии. В перспективе модель развития изменится, как и его показатели. Они будут в большей степени учитывать качество человеческого капитала, состояние окружающей среды, доступность культурных и природных благ, плотность городского населения и другие факторы, которые не

¹⁵ Однако применительно к анализу процесса сближения уровней экономического развития правильнее измерять ВВП на основе ППС. Для Венгрии соответствующие показатели будут равны 57000 и 35000 долл. Надежность данных, используемых в наших расчетах, вызывает некоторые сомнения. К оценкам ВВП на основе ППС всегда следует относиться осторожно, особенно в случае переходных экономик. Нет полной уверенности в том, что, согласно оценкам душевого ВВП (в долл. 1995 г. по ППС), показатели Эстонии и Чехии действительно совпадают, а показатель Беларуси вдвое превышает показатель Украины. Тем не менее все расчеты выполнены на одной и той же методологической базе и с учетом одинаковых допущений. Поэтому даже если в расчеты и закрались ошибки (наверняка так оно и есть), к результатам расчетов можно относиться с определенным доверием.

Процесс сближения постсоциалистических стран с развитыми государствами
 (во сколько раз должен возрасти душевой ВВП в постсоциалистических странах,
 рассчитанный на основе ППС, чтобы достичь уровня в 30000 долл.?)

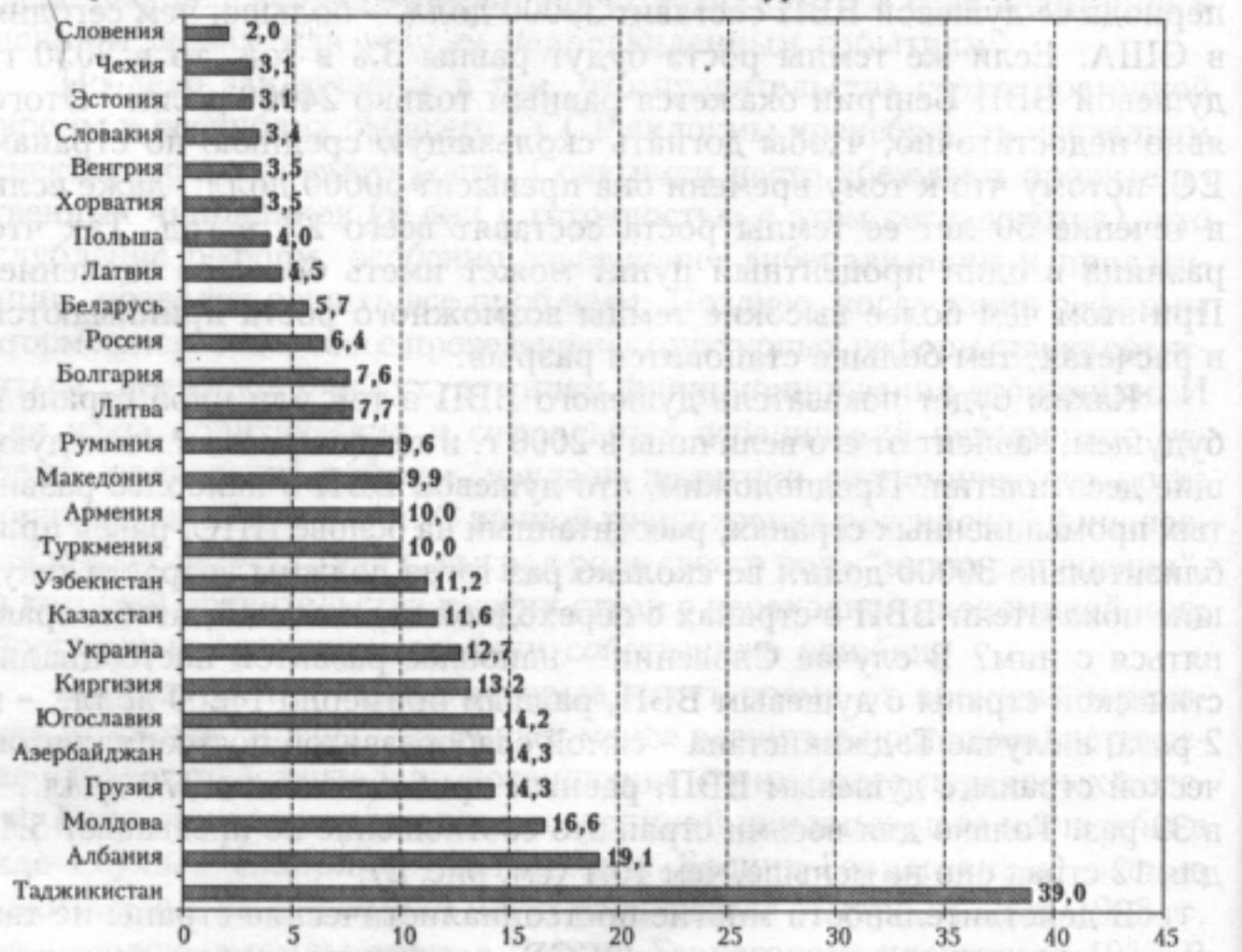

Рис. 2

присутствуют в современной концепции показателя ВВП. Следовательно, период сближения уровней социально-экономического развития постсоциалистических и индустриальных стран может оказаться короче, чем при учете лишь количественных показателей производства.

С точки зрения сближения уровней экономического развития представляется более целесообразным поддерживать стабильные, но относительно высокие темпы роста в течение длительного времени, чем стремиться их максимизировать в определенном периоде, который может завершиться быстрее, чем ожидается. В таком случае возрастает вероятность того, что равновесие в экономике будет нарушено и темпы роста в итоге снизятся, а значит, и результаты развития в целом окажутся не столь впечатляющими. Другими словами, лучше все время принадлежать к группе "опережающих", чем некоторое время быть "явным лидером", но затем стать "середняком" или даже "отстающим".

С учетом всех этих обстоятельств отдельным постсоциалистическим странам удастся, но не одновременно догнать развитые индустриальные государства по уровню производства. Правда, надо иметь в виду, что передовые промышленные страны также не стоят на месте. Вместе с тем достижение их текущего уровня развития представляет огромным успехом. Когда это может произойти? Все зависит от траектории роста: будут ли страны с переходной экономикой в большей степени относиться к "явным лидерам" или "середнякам"? Конечно, "отстающие" здесь не учитываются (см. табл. 6).

Таблица 6

**Страны с переходной экономикой:
годы сближения с развитыми государствами**

Страны	Душевой ВВП в 2000 г., долл. 1995 г. по ППС	Годы сближения с показателем душевого ВВП в 30000 долл. по ППС		
		"явный лидер"	"опережающий"	"середняк"
Албания	1569	2041	2060	2100
Армения	3009	2032	2047	2078
Азербайджан	2101	2037	2055	2090
Беларусь	5238	2024	2036	2059
Болгария	3930	2028	2042	2069
Хорватия	8484	2017	2026	2042
Чехия	9699	2016	2023	2038
Эстония	9606	2016	2023	2038
Македония	3017	2032	2047	2077
Грузия	2099	2037	2055	2090
Венгрия	8525	2017	2026	2042
Казахстан	2576	2034	2050	2083
Киргизия	2279	2036	2053	2087
Латвия	6681	2021	2031	2051
Литва	3872	2028	2042	2069
Молдова	1805	2039	2058	2095
Польша	7575	2019	2028	2047
Румыния	3124	2031	2046	2076
Россия	4654	2026	2038	2063
Словакия	8707	2017	2025	2041
Словения	14802	2010	2014	2024
Таджикистан	770	2051	2075	2124
Туркмения	3004	2032	2047	2078
Украина	2357	2035	2052	2086
Узбекистан	2681	2034	2048	2082
Югославия	2108	2037	2055	2090

Источники: данные PlanEcon, расчеты автора.

Разрыв в уровнях экономического развития постсоциалистических и передовых индустриальных стран за последнее десятилетие не только не сократился, но, наоборот, увеличился. Чтобы его преодолеть, может потребоваться не 50 лет, а, возможно, несколько столетий. Для постсоциалистических стран задача догнать передовые страны мира не является императивом – это все лишь шанс, которым можно воспользоваться или который можно упустить, что нередко случалось в мировой истории. Страны с переходной экономикой должны избрать свой собственный путь к росту, который позволит им в максимальной степени приблизиться к уровню развитых государств. Только в таком случае процесс перехода вообще будет оправдан и может считаться успешным. Для этого требуются терпение, разумная политика и годы тяжелой работы.

Зададимся еще одним важным вопросом: насколько верен проведенный нами анализ и точны выводы, реалистичны прогнозы, особенно с учетом того, что в недавнем прошлом они часто оказывались ошибочными? Ответ состоит в следующем. Во-первых, специалисты неоднократно предупреждали о грядущих опасностях, но национальные правительства и международные организации к ним не прислушивались. Во-вторых, с теоретической точки зрения страны с переходной экономикой вполне могут развиваться высокими темпами, но вследствие ошибочной политики для этого не были созданы необходимые предпосылки. В-третьих, настало время для разумного продвижения вперед и разработки стратегии, обеспечивающей условия для ускорения экономического развития.

Сегодня мы намного лучше, чем в начале переходного периода, понимаем, какие механизмы постсоциалистической экономики работают хорошо и почему, а какие – нет. Всем уже очевидно, что нельзя полагаться только на действие стихийных рыночных сил. Правительства должны разрабатывать обоснованные стратегии развития и действовать более активному участию своих стран в процессах глобализации и сотрудничеству с международными официальными и негосударственными организациями.

Еще одно отличие от ситуации в начале переходного периода заключается в том, что в настоящее время все страны с переходной экономикой демонстрируют рост, хотя его темпы заметно различаются. Сейчас на повестке дня стоит проблема не выхода из кризиса, а ускорения темпов экономического роста и их поддержания на максимальном уровне в течение длительного времени. Для этого необходимы создание специфических рыночных институтов и наличие демократического политического устройства. Пренебрежение названными условиями повышает риск скатывания в новый кризис.

В формировании новых рыночных институтов особенно велика роль государства. В тех постсоциалистических странах, где государство активно управляло этим процессом, и выйти из кризиса удалось быстрее, и темпы роста оказались выше, чем там, где полагались на естественный ход событий. Процесс создания институтов не терпит суеты, он должен быть постепенным. При этом требуются постоянные мониторинг и адаптация проводимой политики к изменяющимся условиям с учетом специфики нарождающихся постсоциалистических рынков, особенно в таких сферах, как приватизация и формирование рынков капитала.

По мере возникновения новых вызовов должна меняться и проводимая политика. Необходимо постоянно вести поиск такого политического консенсуса, который способствовал бы устойчивому и быстрому росту. Сегодня есть шанс догнать развитые индустриальные страны. Было бы непростительным его упустить.

*Перевод с английского
С. Винокура*